
Мережковский, Д.С. Поэт вечной женственности / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. От войны к революции. Дневник 1914–1917. / Д.С. Мережковский. – Пг., 1917. – С. 67–77.

Мережковский, Д.С. Собрание сочинений: Иисус Неизвестный. / Д.С. Мережковский / Редколл.: О.А. Коростелев, А.Н. Николокин, С.Р. Федякин. М.: Республика, 1996. – 687 с.

Мережковский, Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон. / Д.С. Мережковский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 556 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.В. Дементьев¹

Саратовский государственный университет

КОСВЕННЫЕ ДИРЕКТИВЫ И МАНИПУЛЯЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ: НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ВЗГЛЯД

В статье описывается непрямая коммуникация в английской и русской коммуникативных культурах, выявлено, что отличительные особенности русской коммуникативной системы с точки зрения использования не прямой коммуникации являются следствиями из более общего свойства русской коммуникации – *фатической центробежности*.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, косвенные речевые акты, русская коммуникативная культура

V.V. Dementyev

Saratov State University

INDIRECT DIRECTIVES AND MANIPULATION IN RUSSIAN SPEECH: THE NATIONAL-VALUE ASPECT

This paper describes an indirect communication in English and Russian communicative cultures revealing that some distinctive features of Russian communication system in terms of indirect communication employed in it are the consequences of a more general property of Russian communication – its *phatic centrifugation*.

Keywords: indirect communication, indirect speech acts, Russian communicative culture

Как показал целый ряд исследований [Tannen, 1986; Серль 1986; Имплицитность 1999; Вежбицкая, 2003; Прямая и непрямая коммуникация, 2003; Дементьев, 2006; Ларина, 2009], в организации информативной коммуникации (например, в научной речи

¹ Дементьев Вадим Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета (г. Саратов)

[Дённингхаус, 2003]) и фатической коммуникации (особенно – такой ее стандартизованной, формализованной части, как этикет, система обращений) в каждой национальной культуре большую роль играют средства непрямой коммуникации.

При этом, как отмечает А. Вежицкая, понятие «косвенности» относится к наименее ясным в современной лингвистике. Исследовательница видит причину неудовлетворительности таких терминов, как «прямота» или «непрямота» (а также «солидарность», «непосредственность», «искренность», «общественная гармония», «сердечность», «самоутверждение», «интимность», «самовыражение» и т.д., через которые обычно объясняются различия в способах говорения в исследованиях по контрастивной прагматике), в том, что эти термины применяются к разным явлениям, которые формируются разными культурными нормами и ценностями [Вежицкая, 2003].

Обращаясь к принципиальному для нас вопросу о национальной маркированности непрямой коммуникации, в частности национальной специфике русской непрямой коммуникации и значимости средств непрямой коммуникации с точки зрения русских коммуникативных ценностей, следует отметить, что непланируемая непрямая коммуникация вообще не подлежит ценностному сравнению.

Что касается сознательно используемых для определенных целей приемов планируемой непрямой коммуникации, здесь, безусловно, может быть осуществлено кросс-культурное сравнение, можно говорить об оценке, присущей отдельным случаям использования косвенных средств, а также общей ценности данного явления. В этом смысле можно упомянуть широко изученный в лингвокультурологии ряд культурных сценариев / ценностей, требующих использования средств планируемой непрямой коммуникации, например, английские требования *moderateexpressingopinions*, *shareddislikeforgoingtoextremes* [Blum-Kulka, 1982; Clark, 1906; Fox, 2005] или японское требование уклончивости [Mizutani&Mizutani, 1987; Honna&Hoffer, 1989].

Исследование русских прямых и косвенных форм в этом аспекте почти не осуществлялось (отмечалось лишь, что русский «коммуникативный стиль» более «прямой» по сравнению с английским [Ларина, 2009] – недостаточная обоснованность таких общих для двух разных культур определений и утверждений была доказана А. Вежицкой [2003]). Пожалуй, можно говорить лишь о

требовании (но не вполне строгом), состоящем в нежелательности чрезмерной риторической выстроенности, а значит, в каком-то смысле «прямоты» в типах общения, на которые распространяется действие главных ценностных доминант русской коммуникативной культуры в целом, – например, нежелательности ортологической сверхправильности при выражении наиболее существенно значимых, «выстраданных» мнений в *разговоре по душам*. Большинство же высказываемых мнений (прежде всего оценочных, особенно – нравственно-оценочных) выражаются точно и прямо (ср. данные русской паремиологии, выявленные Л.В. Балашовой: *резать правду-матку* и подоб. [Балашова, 2003]).

Безусловно, особенно важным и показательным с точки зрения использования не прямой коммуникации для любой культуры является такой участок «фатики», как **речевой этикет**. В целом использование (планируемой) не прямой коммуникации, продиктованное требованием вежливости, является наиболее очевидным и распространенным.

Как мы показали в [Дементьев, 2006], не все разновидности не прямой коммуникации есть очевидная замена («прямой» единицы на «непрямую»). Замены всегда осуществляются целенаправленно, в самом факте замены есть некий смысл, который достаточно прозрачен. Именно к такому типу относится планируемая не прямая коммуникация / косвенность, которая используется, например, в большинстве косвенных речевых жанров (таких, например, как косвенные фатические речевые жанры в рассмотренной типологии типа *флирта* или *розыгрыша*). Этот тип не прямой коммуникации всегда создает эффект опосредованности между адресантом и адресатом речи, а также некоторого неявного и отстраненно-безличного управления интерпретацией адресата (в случае планируемой не прямой коммуникации интерпретация задается адресантом, хотя и неявно, «скрыто», а в случае конвенциональных косвенных средств, к которым относится большинство этикетных средств, – задается однозначно).

В этом смысле идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, закономерно сближаются в сознании говорящих с очень важным для русского ценностного национально-языкового сознания содержанием правого члена оппозиции **персональности~имперсональности**.

Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в

целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллект; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...* – при всем разнообразии и разнородности, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не

образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца. Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда ~ истина, душа ~ разум, воля ~ свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами / лексемами – например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* – двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство, корпоративность* – малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, речевые жанры. Важной для русского языка и речи является речежанровая оппозиция *разговора по душам и светской беседы*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира» [Дементьев, 2010].

Как уже было сказано, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крюкотвор и крючок, казенный и казёнщина, муштра, аппаратчик, функционер, карьерист* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*,

может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [P] ~ [-P] имеет общее с выделяемой А.Б. Пеньковским категорией *чуждости*, проистекающей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [Пеньковский, 1989]. Однако, в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности. (Подробнее об этом см. [Дементьев, 2007].)

Вернемся, однако, к непрямой коммуникации.

Если, как уже было сказано, идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, сближаются с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P], именно отсюда проистекает некоторое недоверие к непрямой коммуникации, к косвенным речевым средствам в целом в русском языковом сознании, причем не только к манипуляции, но и к косвенным речевым актам.

Рассмотрим пример на английском языке, который можно отнести к хрестоматийным в «теории косвенных речевых актов», точнее – ее западной разновидности, опирающейся на идеи Дж. Серля, – *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’.

Как известно, *Can you open the window?* определяется в данной теории как конвенциональный косвенный речевой акт, причиной использования которого считается требование вежливости, точнее – представление о вежливости, принятое в англоязычной коммуникации.

Дж. Серль и Дж. Грин попытались теоретически обосновать причины распространенности и эффективности таких формул в функции косвенных директивов и решили, что, будучи по форме вопросами, они предоставляют адресату большую свободу: хотя бы гипотетическую возможность реагировать на них как на вопросы, то есть не-директивы, «более приемлемую возможность выйти из игры» [Серль, 1986: 213; Green, 1975, с. 128-130].

Вряд ли можно считать такое объяснение удовлетворительным. Так, Серлю и Грину убедительно возразил Р. Конрад, указавший на то, что для вопросов типа *Can you open the window?* «простой ответ “нет” является точно в той же степени невежливым, что и для соответствующих прямых просьб» [Конрад, 1985, с. 370].

Думается, что ближе к истине точка зрения А. Вежбицкой, которая отказывается искать общие для всех культур причины использования «косвенных формул», объяснять их

распространенность какими-то объективными и универсальными свойствами данных формул – «рациональностью», «эффективностью». Все решается в конечном счете системой сценариев данной культуры, подчеркивает Вежбицкая, которые полностью обуславливают представление о вежливости, принимаемое в данной культуре.

Относясь к планируемой непрямой коммуникации, косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств НК, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Косвенный речевой акт типа *Canyouopenthewindow?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов. Кстати, нетрудно заметить, что в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого. Подобные средства лишь считаются вежливыми в результате принятого общественного соглашения. Существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к неопределенным средствам и побуждению адресата совершить дополнительные интерпретативные усилия, которые необходимы для того, чтобы понять, что имеется в виду, а, наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия (см. выше примеры из израильской культуры, которые приводит А. Вежбицкая).

Рассуждения о неуниверсальности причин обращения к косвенным средствам лучше всего доказывает, на наш взгляд, тот факт, что в русском языке у *Canyouopenthewindow?* нет точного эквивалента: ближайшее функциональное соответствие *Не могли бы вы открыть окно?* принципиально отличается по форме: это *отрицание* (см.: [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 286]).

Думается, это не случайно.

Рассмотрим теперь русскую форму *Не могли бы вы открыть окно?*

Как и английское соответствие, это конвенциональный косвенный речевой акт – директив, использующийся в косвенной форме вопросительного предложения. Как и в английском, обращение к косвенной форме продиктовано требованием вежливости.

В то же время есть по крайней мере два серьезных отличия.

Повторяем, в обоих языках это конвенциональный косвенный речевой акт, но в английской речи, собственно, нет выбора: прямая форма в таких вежливых просьбах фактически исключена, так как воспринимается грубо. А раз нет выбора, это, так сказать, не совсем

косвенный речевой акт. Но зато с точки зрения формы «все в порядке»: точно такую же форму *Canyouopenthewindow?* имеет недирективный речевой акт – вопрос, и у слушающего хотя бы гипотетически остается возможность прореагировать на эту реплику как на вопрос.

Но выбора как такового нет и в русском языке (несмотря на то, что прямые просьбы в русском языке, в отличие от английского, не находятся под запретом): дело в том, что форму *Не могли бы вы открыть окно?* имеют т о л ь к о просьбы, и никогда – реальные вопросы: вопрос может иметь т о л ь к о неотрицательную форму типа *Вы можете открыть окно?* или *Можете ли вы открыть окно?* В этом смысле в русском языке не выполняется даже формальное требование, предъявляемое к косвенным речевым актам в классической теории Серля – Грина: на «вопрос» *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя даже гипотетически прореагировать как на недиректив (как и на вопрос *Можете ли вы открыть окно?* нельзя прореагировать как на просьбу), ситуации такого «непонимания» выглядят настолько курьезно, что обыгрываются в юмористических текстах – ср. рассказ М. Зубкова «Трешка», который начинается так:

Вот подходит недавно один:

– Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?

– Мог бы, – говорю. И иду своей дорогой. <...>

Выскажем предположение, что отрицательная форма избрана в русской коммуникации именно для того, чтобы вежливый директив типа *Не могли бы вы открыть окно?* н е л ь з я б ы л о спутать с не-директивами типа *Можете ли вы открыть окно?*, то есть чтобы это были *не* косвенные речевые акты, восприятие которых в русской коммуникации сопряжено с некоторым недоверием.

О.Б. Сиротининой выявлены уникальные для западной коммуникативной картины случаи, когда обращение к косвенным средствам для выражения просьбы (с точки зрения адресанта – обычно пожилого человека – они выражаются таким образом в более вежливой форме: *Надо бы за хлебом сходить; Форточку бы открыть*) о б и ж а л о адресата речи – молодого человека, воспринималось как «изошренный диктат» [Сиротинина, 1999, с. 27].

С манипуляцией, в отличие от косвенных речевых актов, «все ясно»: ее этическая недобросовестность не раз разоблачалась в мировой филологии и философии начиная с античности (см. обзоры

литературы в: [Налимов, 2003, с. 14-46; Борухов, 1989, с. 18-26]); и все же выскажем осторожное предположение, что в русской коммуникации манипуляции еще труднее одержать победу, чем в других культурах.

Как говорится по этому поводу в известном пособии по риторике [Клюев, 1999], в современной России не получили большого распространения формы косвенного воздействия, поскольку имплицитные, выводные смыслы, присущие непрямой коммуникации, обычно ассоциируются с некой опасностью, в них подозревают «камень за пазухой» (хотя за пазухой, так сказать, далеко не всегда камень – иногда там может оказаться цветок!). Как остроумно заметил автор пособия Е.В. Клюев, «ситуаций, в которых прямые формулировки предпочтительны, всего десять – и все десять формулировок уже очень давно предложены Христом в виде заповедей» [Клюев, 1999, с. 24].

Несмотря на это, Е.В. Клюев утверждает, что косвенное воздействие более эффективно и воздейственно, чем прямое (хотя не доказывает этого на речевом материале). По мнению исследователя, прямое воздействие задает «вертикальные» отношения типа «начальник \acute{c} подчиненный» и не предполагает никакой иной реакции адресата, кроме исполнения или отказа («как в армии»): «<...> прямая тактика речевого воздействия, в сущности, тем действеннее, чем более пассивная роль остается на долю слушателя» [Клюев, 1999, с. 155]. Напротив, косвенное воздействие требует от адресата «со-беседования», сотворчества: «<...> результативность и в конечном счете эффективность речевой тактики – прямая производная от степени творческой активности слушателя. Творческая же активность его несовместима со слепым подчинением пусть даже самой благородной и надежной концепции говорящего» [Клюев, 1999, с. 156]. Такой со-беседник способен «на ходу» перерабатывать информацию, хотя может сделать это за счет отрицания «самых дорогих нам установок» [Клюев, 1999, с. 156]. Таким образом, Е.В. Клюев понимает косвенное воздействие именно как НК (в соответствии с риторической направленностью исследования – как НК-2), и это совпадает с нашим пониманием непрямого воздействия.

Следует отметить, однако, что косвенное воздействие как НК-2 составляют не только косвенные иллюкутивные директивные акты (Е.В. Клюев говорит только о них), но и манипулирование, которое отнюдь не предполагает «со-беседования». При прямом воздействии не только задаются «вертикальные» отношения типа «начальник \acute{c}

подчиненный», но и прямо («честно») сообщается об этом. Косвенное же воздействие задает неопределенные отношения (кстати, это вполне могут быть и отношения «начальник & подчиненный»). Манипулятор хочет занять позицию начальника хитростью.

Есть еще одна сфера русской фатической коммуникации, по своему имеющая несколько не меньшее ценностное содержание, чем этикет, где существует ярко выраженная национальная специфика использования косвенных средств, – это **диссонансная** фатика, порождаемая **конфликтным**, агрессивным коммуникативным поведением.

Особенность русского агрессивного коммуникативного поведения, неоднократно отмечаемая представителями других (прежде всего западных) культур, состоит в отсутствии запрета на «грубые слова». Следует отметить, что в формально-коммуникативном, семиотическом смысле это во многом универсальное качество, если за «грубыми словами» не стоит настоящая агрессия, т.е. если это косвенные фатические речевые жанры ОД, выражающие симпатию при внешней грубости, фамильярности. Однако в русской культуре, в отличие от многих других, как будто бы отсутствует и запрет на некоторые прямые ситуации агрессивного коммуникативного поведения – если обращение к «грубым словам» продиктовано *дружескими* чувствами – ср. паремии типа *милые бранятся – только тешатся*. Это дружеское чувство обязательно: без него такое же по форме агрессивное поведение однозначно осуждается – ср. в русской литературе образы Ноздрева у Н.В. Гоголя, Дикого у А.Н. Островского, Тарантьева у И.А. Гончарова.

Оппозиция [Р] ~ [-Р] в области агрессивного коммуникативного поведения проявляется в закрепленном исторически и широко отраженном в русских лексике и идиоматике (ср. данные Л.В. Балашовой [Балашова, 2003, 2007]), пословицах, а также русской литературе **предпочтении** «человеческого» выплескивания агрессии (вплоть до рукоприкладства) обращению для этой цели к закону, органам власти. Ср.:

– *Вы же не слышали, как он тут обзывался...*

– *Это ваше мужское дело! <...>Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам*

сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка... (В. Шукшин. Печки-лавочки)

Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:

– Оно бы – по-доброму, по-соседски-то – к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все! (В. Шукшин. Суд)

Интересно, что такое моральное предпочтение свойственно не только необразованным представителям деревенской или просторечной культур, о которых пишет В. Шукшин, но и носителям литературного языка и элитарной речевой культуры, каковым, несомненно, можно считать великого советского педагога А.С. Макаренко:

– Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возратить Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них, все-таки они люди. Это важное обстоятельство. (А.С. Макаренко Педагогическая поэма).

Несмотря на то, что в предыдущем примере адресатом Макаренко была женщина, складывается впечатление, что явление, о котором идет речь, присуще только мужскому поведению. Мужчи́нами иногда отмечается, что женщины склонны решать конфликтные ситуации судом:

– Воли им дали много! – с сердцем сказал Костя Биби́ков, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. – Дед Иван говорит: час хорошо живетса бабе да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева – тоже: напи́лась дура, опозорила мужика – вел ее через всю деревню. А

потом она его же: «А зачем пить много разрешил!» Вот как!..
(В. Шукшин. Беспалый)

Данный факт, кстати, скорее подтверждает, что манипулятивное агрессивное поведение в русской культуре встречает более серьезное сопротивление, чем в других культурах, – большее, чем открытая агрессия, а потому манипуляции могут одержать лишь временную победу... пиррову победу.

Таким образом, представляется неоправданным говорить об однозначном запрете на непрямую коммуникацию в русской культуре, особенно в таких подчеркнута семиотических сферах, как этикет, а также наиболее противопоставленные ему инвективные высказывания, или однозначно называть русскую культуру «прямой», как это делают некоторые исследователи.

В то же время несомненно, что есть области и сферы применения (планируемой) непрямой коммуникации в русской культуре, в которых отношение к данному явлению достаточно существенно отличается от других культур (например, англо-американской), существуют некоторые ограничения на использование непрямой коммуникации в определенных ситуациях.

На наш взгляд, многие отличительные особенности русской коммуникативной системы с точки зрения использования непрямой коммуникации являются следствиями из более общего свойства русской коммуникации – *фатической центробежности*, которая обуславливает, в частности, отсутствие адекватного эквивалента базовому жанру англо-американской фатики *smalltalk*, очень богатый синонимический ряд в русской лексике для именованя фатических речевых жанров и их компонентов, представляющих «края» типологии фатических речевых жанров, но не центр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балашова, Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация / Л.В. Балашова. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – 354с.

Балашова, Л.В. Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) / Л.В. Балашова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7. – С. 148-164.

Борухов, Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты): Дис. ... канд. филол. / Б.Л. Борухов. – Саратов, 1989. – 17 с.

Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

Вежбицкая, А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С.136 – 159.

Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.

Дементьев, В.В. Об одной оценочной системе в русском языке / В.В. Дементьев // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 42-61.

Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М., Знак, 2010. – 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

Дённингхаус, С. «Прямая» ли научная коммуникация? / С. Дённингхаус // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 239-252.

Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 200 с.

Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е.В. Клюев. – М.: Изд-во «ПРИОР», 1999. – 272 с.

Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 349-383.

Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

Налимов, В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В.В. Налимов. – Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. – 368 с.

Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: П85. Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – 354 с.

Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. Вып. 17. – С. 151–169.

Сиротинина, О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999. Вып. 2. – С. 26-31.

Blum-Kulka, S. Learning to say what you mean in a second language: A study of the speech act performance of learners of Hebrew as a second language // Applied Linguistics, 3(1), 1982. – P. 29-59.

Clark, H.H. Using language. – Cambridge, 1996.

Fox, K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. – L.: Hodder & Stoughton, 2005.

Green, G.M. How to get people to do things with words // Syntax and semantics. – N.Y., 1975. Vol.3: Speech acts.

Honna N., Hoffer B. (Eds.). An English dictionary of Japanese ways of thinking. – Yuhikaku, 1989.

Mizutani O., Mizutani N. How to be polite in Japanese. – Tokyo: Japan Times, 1987.

Tannen D. That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others. – NY., 1986.